

МИР АНДРЕЯ БЕЛЯНИНА

ДЕТЕКТИВ ИЗ МОКРЫХ ПСОВ

Лайнер вампиров
Все арестованы!
Отель «У призрака»

Андрей Белянин
Галина Черная

ОТЕЛЬ «У ПРИЗРАКА»

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б44

Разработка серийного оформления
Андрея Саукова

Иллюстрация на переплете
Анатолия Дубовика

Белянин, Андрей.
Б44 Отель «У призрака» / Андрей Белянин, Галина
Черная. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с.
ISBN 978-5-04-101787-3

Уникальный мир, придуманный Андреем Беляниным! Мир, где обитает кто угодно: черти, ведьмы, вампиры, оборотни, прочая нечисть, кроме... людей. Люди в этом мире — мифологические существа. О них слагают легенды, ими пугают непослушных чертенят...

Праздники — не повод расслабляться! Даже если это День тринадцатого снега, самый главный праздник в году. Преступники и террористы не дремлют, и полиция Мокрых Псов тоже надо быть начеку. Ведь кто ещё остановит череду убийств и выступит против беззакония, как не сержант Ирджи Браздинский и его верные товарищи?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Белянин А., Черная Г., 2019
© Оформление.
ISBN 978-5-04-101787-3
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ВКУС ТРИНАДЦАТОГО СНЕГА

...Я шёл на работу в приподнятом настроении. Стояла на редкость хорошая погода. Сквозь тучи пробивались лучи холодного солнца, на деревьях давно не было ни одного листочка, белые мухи¹ стаями кружили в воздухе, а под ногами скрипел снег. Редкие прохожие, попадавшиеся по пути, были также не улыбочивы и на ходу пытались толкнуть меня плечом. Это невольно умиляло, мягко напоминая нам всем о предстоящем празднике.

День тринадцатого снега — любимое торжество каждого, у кого было детство! И даже те, у кого его не было, типа кобольдов или горных троллей, всё равно не отказывали себе в удовольствии присоединиться ко всеобщему веселью.

Это же главный зимний праздник! Интересно, как его будут праздновать здесь, в Мокрых Псах? Я вспомнил, что моя мама в этот день всегда пекла специальные поляцкие пирожки. С мухоморами

¹ Единственные насекомые, которые почему-то выбрали зиму, чтобы плодиться и размножаться.

и гвоздём! А перед Днём тринадцатого снега у нас был традиционный двухдневный пост. Естественно, все успевали наголодаться и всей роднёй набрасывались на огромное блюдо с пышущими пирожками! Тот, кому доставался гвоздь в пирожке, считался самым счастливым и искренне верил, что ему весь год будет сопутствовать удача...¹

Мне же, к несчастью, так ни разу и не достался вожделенный пирожок с гвоздём. Я всегда огорчался по этому поводу, даже не раз пытался подговорить маму, чтобы она заранее показала мне, в каком пирожке гвоздь, но мама лишь смеялась и шлёпала меня полотенцем, чтобы не лез под руку. Как же мне было обидно...

И только когда я уезжал на учёбу в Парижск, на нашей последней дружеской вечеринке вдруг стало понятно, что я единственный из моих друзей и родственников, кто сохранил все зубы! С тех пор я поминал маму и её чудесные пирожки только добрым словом.

Дорожка перед нашим полицейским участком была расчищена. Наверняка постарался рядовой Чунгачмунк, он любит порядок. Я толкнул дверь, вошёл в прихожую под вой демона Уфира² и едва успел расстегнуть верхнюю пуговицу пальто, как на меня набросились со спины.

¹ Разок мой двоюродный племянник решил схитрить и стал глотать пирожки не жуя. В этот день никому не достался гвоздь. Но вечером в больнице мы узнали, кто его съел. Хитреца три дня отпаивали касторкой, и всё равно не удалось избежать операции. С тех пор он стал очень осторожен и любую еду ел маленькими порциями, что не помешало ему до совершеннолетия лишиться ещё двух зубов. Он и гвозди-то глотать начал, потому что потерял уже четыре зуба. Да-да, гвозди к нему так и льнули, везучий был парень...

² Сигнализация, которую мы не выключали.

— Флевретти, что за шутки?!

Я бы легко справился с тощим и не любящим спорт, как и любые другие усилия (типа ухаживания за женщинами вне Сети), капралом, но просто растерялся от неожиданности. Признаться, первая мысль была, что наш любитель томатного сока попросту сбрендил. А меж тем он явно использовал все силы, пытаясь повалить меня на пол, и делал это вполне серьёзно. Из своего кабинета на меня поднял тяжёлый взгляд комиссар Базиликус.

— Что происходит, шеф?!

— Сержант Браздинский, прекратите сопротивление! А теперь немедленно сдайте удостоверение и бляху! Наденьте на него наручники, капрал.

Это было как шкафом по голове. Из райских куш родного отделения полиции я словно бы был брошен в самую глубокую бездну беззакония. Всё происходящее казалось страшным фарсом, у меня невольно опустились руки. Я перестал сопротивляться и позволил Флевретти надеть на себя наручники. Меня арестовало родное отделение! Но за что?!

Повернув голову, я увидел у камеры предварительного заключения рядового Чунгачмунка. Мой друг-индеец сидел на полу, скрестив ноги, закрыл лицо руками, и тихо покачивался из стороны в сторону.

— Да-да, — сурово подтвердил капрал Флевретти. — Ему стыдно за того, кого он считал героем и старшим братом. Он, между прочим, с самого утра так сидит.

Я сжал зубы и решил хранить молчание. Что бы такого они мне ни инкриминировали, всё равно я не знал, что это за преступление. А вот не буду говорить без адвоката...

Меня препроводили в камеру. Комиссар шёл следом и молча следил за исполнением приказа. За мной закрылась железная дверь и лязгнул замок.

— Сержант Браздинский, вы обещали мадемуазель Эльвире завести ферму? — обвинительным тоном начал Базиликус, открыв зарешеченное окошечко.

— Ферму? — В первую секунду я не понял, о чём это он. — Какую ферму?

— Откуда мне знать какую? В которую она играет, видимо. Так вот... Чему вы улыбаетесь? У вас что, совсем совести нет?

Я чуть не расхохотался, но в последний момент чудом смог сдержаться, видя, что комиссар слишком серьёзен и даже начинает багроветь от гнева.

— Я вижу, что вы вовсе не раскаиваетесь в том, что не выполнили своё обещание завести игру «Ферма»! Добавить её в соседи, дойти до какого-то там уровня и подарить мадемуазель Фурье, э-э... — он достал бумажку, чтобы уточнить, —...двадцать шесть рубинов, позолоченную карету, двух болтливых овец, восемь енотов для стирки, четыре яблони и одного единорога, как она вас и просила. Это возмутительное поведение для офицера полиции!

— Факт, — подленько поддакнул капрал.

— Поэтому посидите-ка здесь, пока не осознаете всю глубину своего морального падения. Если понадобится, хоть неделю. Вы же знаете, что городской судья мой друг и всегда выпишет нужный ордер.

Я покачал головой: если когда-нибудь он в запале ляпнет это вслух при посторонних...

— Подумайте над своим поведением. Флевретти, дайте заключённому сухой паёк в обеденное время, в туалет выводите под охраной. Мне скоро нужно будет уйти.

И шеф с мрачным видом удалился к себе. Но я отметил, что суровость его была уже немного напускной. Старина Базиликус, с горячим темпераментом, но отходчивым сердцем, просто не умел сердиться долго. Если, конечно, преступник не был вором, укравшим всё пиво в городе! Тогда бедолага мог словить на всю катушку...

Капрал сидел за своим компьютером задрав нос и старался не встречаться со мной взглядом. Поэтому мне пришлось сесть на нары, углубиться в интернет с телефона и просто ждать. Добряк Флевретти не выдержал даже десяти минут и с жалостью на лице заглянул меня проведать.

— Ты как, дружище? Конечно, шеф поступил с тобой слишком сурово.

— Ничего, нормально.

— Извини, если я сделал тебе больно, когда набросился. Я иногда могу не рассчитать силы. Наручники не сильно жали?

— Всё в порядке, спасибо. — Я нахмурился и нарочито небрежно поинтересовался: — Значит, Эльвира приходила?

— Да, вот прям к открытию отделения, — тут же сдал её капрал, состроив сочувственное лицо, хотя в его глазах, как всегда, таилась усмешка. — Пришла с утра, написала заявление на тебя. Вы разминулись, наверное, на полчаса. Что там у вас с ней произошло, чего она на тебя так взъелась, а?

— И близко не представляю, честно!

Но если подумать... Разве что причина могла быть в неудавшемся свидании. Память услужливо вернула меня во вчерашний день. Накануне Эльвира непрозрачно намекнула мне, что у неё свободный вечер, мама занята братишками... В общем,

Андрей Белянин, Галина Чёрная

если у меня есть какие-то предложения на романтический ужин с продолжением (да-да, так она и сказала!), то она буквально два часа назад купила новое парижское белье и ещё даже не примерила.

Я мысленно согласился с тем, что более откровенного намёка сделать нельзя, и тут же пригласил её к себе. Она, не кокетничая и не ломаясь, пообещала зайти в девять. У меня оставалось не так много времени, чтобы рысью пробежаться по магазинам, закупить всё необходимое и устроить к её приходу настоящую романтическую сказку в лучших поляцких традициях.

Я стянул мрачные серые гардины, расчихавшись от поднявшейся пыли, и повесил розовые занавески в мелкую клетку с оборочками. Скатертью из той же ткани (продавалось набором) накрыл старый стол. Поменял простыни, застелил кровать покрывалом в стиле пэчворк, накинул на грязное кресло вязаный сиреневый плед, очень нежный и мягкий, на стулья — специальные сидушки с весёлым народным узорчиком. Получилось вполне стильно.

Поставил в вазу свежие цветы (с трудом достал как большую редкость в третьем, и последнем, в городе цветочном магазине на самой окраине), пожарил картошку до углей и стейки с кровью. Ну и к указанному часу ждал её с бутылкой вина в домашней фланелевой рубашке в клетку, просторных дырявых штанах и засаленных тапочках. Как видите, домашняя и уютная обстановка, располагающая к приятному времяпровождению, была старательно создана и манила расслабиться...

В девять пятнадцать Эльвира постучала в дверь, я открыл. Она вошла с улыбкой, на миг чмокнув

меня в щёку, но уже в следующее мгновение улыбка исчезла с её лица. В её глазах сначала мелькнул шок, потом возмущение, а потом даже испуг, словно она забрела в пещеру какого-то деревенского маньяка из-под Львива. А ведь на всё это ушла треть моей зарплаты!

Я ничего не понял и попытался мягко притянуть Эльвиру к себе, чтобы поцеловать и успокоить, но она оттолкнула меня, вlepила пощёчину и сбежала в слезах! Представьте себе моё состояние после такого чудесного свиданьяца. Я даже не успел толком ничего сказать. Вот так и остался молча стоять дурак дураком в дверях, с расцветающим красным отпечатком её пальцев на лице...

Потом уже подумал, что, может, у неё на носу критические дни, и интуитивно решил, что звонить ей не надо, сама позвонит, когда успокоится и будет готова. Теперь было ясно, что интуиция меня подло обманула.

Но поверьте, я не мог даже представить, на что именно она обиделась до такой степени, что пошла писать на меня донос моему же начальнику.

— Что тебе принести на обед, дружище? — заботливо шепнул Флевретти.

— Капрал Флевретти, срочно ко мне! — неожиданно громко рявкнул шеф.

Хм... судя по тону, случилось что-то из ряда вон выходящее. Капрал удивлённо пожал плечами, типа, не представляю, что могло произойти, и поспешил на зов.

Хотя, в принципе, меня это уже не должно волновать. Я же задержанный, верно? Пусть сами расследуют, что бы там ни случилось. Понятно ведь, какие новости могут быть в полицейском участ-

Андрей Белянин, Галина Чёрная

ке — сплошь криминальные. Прошло где-то пять минут, я прилёг и сделал вид, что сплю.

Послышались скользящие шаги. Я приоткрыл один глаз. У решётки стоял смуглый индеец Чунгачмунк с непроницаемым лицом. Не глядя на меня, он сообщил:

— Убийство. Большой Отец призывает тебя к себе.

Он открыл дверь, выпустил меня и ушёл, по-прежнему не встречаясь со мной взглядом. Похоже, то, что я не сдержал слово, стало для него настоящим ударом. Он слишком уважал меня и считал для себя примером ещё со времен нашей первой встречи на так называемом лайнере вампиров, когда этот парень из племени Черепах добровольно помог мне в поимке убийцы главы клана вампиров-традиционалистов. А после совместной боевой операции по раскрытию коррупции в верхушке местной полиции в его родном Порксе и фактически спасения города от гражданской войны наша дружба стала ещё крепче. Мы расследовали вместе не одно преступление, помогая и прикрывая друг друга. По крайней мере, так было до сегодняшнего дня...

Комиссар встретил меня угрюмым молчанием. Сейчас я отметил, что он одет не в полицейскую форму, как обычно, а в строгий костюм-тройку. Видимо, переоделся на какое-то семейное мероприятие: они у него постоянно, то у деда юбилей, сотые рога меняет, то у племянницы обрезание хвоста. Я сел на стул и тоже молчал, решив, что не раскрою рта, пока он не начнёт первым.

— Ладно, не сердитесь, Браздинский. Я должен был как-то отреагировать на заявление мадемуа-

зель Фурье. Как-никак она немало делает для нашего города, мгм... в своей журналистской области.

Услышав это, я невольно поднял взгляд на хвалебную статью, посвящённую (кому бы вы думали?), конечно, нашему комиссару! Газета вышла всего пару дней назад, но он уже успел вставить её в позолоченную рамочку. В статье Эльвира расхваливала шефа полиции за оперативный розыск и арест тролля-карлика по имени Трахляля, совершившего серию налётов на младенцев в колясках, отнимая у них погремушки для своей чёрной коллекции. Мамочки плакали от умиления...

Из этого вы можете судить, какой фигнёй нам приходилось пробавляться в последнее время. Конечно, тот факт, что не было серьёзных преступлений, как я смел надеяться, являлся и нашей заслугой. Хотя, скорее всего, могло быть и просто случайным стечением обстоятельств, светлой полосой. Ну вот, теперь она закончилась.

— Могу я быть уверен, что ваши мелкие обиды не помешают несению службы? — примирительно и даже заискивающе добавил он, искоса блестя хитрыми глазами.

— Какой службы? Вы же меня отстранили.

— Сержант, сержант, можно подумать, вам неинтересно...

— Что произошло? — холодно спросил я, глядя сквозь него.

— Кхе-кхе. Сейчас у меня был звонок, — откашлявшись, построжевшим голосом начал шеф. — В городских коммуникациях, иначе говоря — в канализации, нашли труп. Личность уже известна. Это один из сотрудников страховой фирмы «Моги-

Андрей Белянин, Галина Чёрная

ла и Ренессанс», старший помощник главного инспектора местного филиала некий месье Лошар.

Я кивнул. «Могилы и Ренессанс» — фирма известная, можно даже сказать, монополист в своей сфере. Она специализировалась на страховании жизни и здоровья трудовых коллективов. Остальные подобные организации просто не могли с этой фирмой конкурировать: она либо поглощала их, либо они сами прогорали.

— Он отправился, чтобы расследовать заявление одного из обслуживающих канализацию слесарей о полученной во время работы травме, и, по словам свидетелей, решил лично осмотреть место, где произошло несчастье. Работают в этих туннелях преимущественно кобольды. Точнее, только кобольды. Это их вотчина, как говорят у вас, славян, «из отбросов руды да в кобольды!».

Я молча кивнул, хотя данная поговорка скорее в чести у грюнвальдских гномов.

— Больше никто в эти трубы, ходы и катакомбы не полезет, не захочет рисковать жизнью. К тому же в нашем городе коммуникационные системы очень старые. На замену в городском бюджете денег нет, поэтому их постоянно ремонтируют. Условия труда там, внизу, ужасные. Но это для нас, точнее, для всех, кроме кобольдов. Они-то народец привычный. А вот помощник инспектора был обычный чёрт, но взял и полез! А там, похоже, просто провалился в одну из многочисленных выбоин или ямин.

— Она была такая глубокая? — удивился я.

— Нет, не глубже полуметра, — признался комиссар, было заметно, что он бы совсем не прочь спустить это дело на тормозах. — Скорее всего, Ло-

шар споткнулся, ударился головой, на время потерял сознание и... захлебнулся. Ямы в проходах, как правило, всегда наполнены водой. Не хочу думать о чем-то криминальном. Надеюсь, это лишь несчастный случай. Но фирме с такой репутацией, как «Могила и Ренессанс», не нужны скандалы, поэтому кто-то должен всё это проверить и уже тогда сделать окончательные выводы.

— И этот кто-то — опять я?

— Вы мой лучший оперативник, — грубо польстил он.

— Но Чмунк сказал, что это убийство.

— Это я сболтнул сгоряча. Хотя всё возможно. Идите и выясняйте, а то у меня мало времени. Я обещал мэру присутствовать на свадьбе его дочери. В качестве почётного гостя, разумеется. Мадемуазель Эльвира Фурье своей статьёй напомнила окружающим о моей роли в этом городе!

Роли свадебного генерала, сморщив нос, подумал я. Но дело действительно было интересным. По крайней мере, уж куда более интересным, чем сидение в камере предварительного заключения в своём же отделении полиции.

— Значит, я свободен? — едко спросил я.

— Н-нет. Не совсем. Я же не смогу оставить без внимания такое серьёзное обвинение.

— Шеф, вы надо мной издеваетесь?

— Бляху я вам верну вечером. Потерпите. Сами виноваты, офицер полиции — и не сдержал слова! Это не очень-то вас красит, согласитесь. Она популярная журналистка, если поделится с подругами в других изданиях, что я никак не отреагировал, кто-нибудь из них обязательно об этом напишет.